

Владимир Кожеников

**Колыбель
Иеговы**

Владимир Кожевников

Колыбель Иеговы

<https://litres.ru/73989888>

SelfPub; 2026

Аннотация

В глубине пояса Койпера обнаружена аномальная сфера, не подчиняющаяся законам гравитации. Экипаж «Одиссея-7» приближается к артефакту и обнаруживает, что он исцеляет старые раны, шрамы и болезни — но цена этого дара неизвестна. Внутри сферы, пульсирующей в ритме сердец семерых исследователей, зреет протоклетка — единая мыслящая ткань, ожидающая своего «рождения». Инопланетный разум начинает читать память людей, переписывать их личности и требовать имена как ключи к ассимиляции. Капитан, врач, священник, лингвист и инженер вступают в диалог с сущностью, которая ещё не решила, кем стать — хищником или учителем. Когда выясняется, что артефакт способен стерилизовать целые биосферы, герои принимают невозможное решение: не сбежать и не сражаться, а отдать себя ему — но с условием. Сфера сжимается, трое выживших возвращаются, неся в себе чужой пульс. Спустя время человечество живёт с новым сердцем, которое бьётся где-то за Нептуном, терпеливо ожидая, когда мы будем готовы к равному диалогу.

Содержание

Глава 1. То, что молчало 4 миллиарда лет	4
Глава 2. Сквозь кожистую тьму	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Владимир Кожевников

Колыбель Иеговы

Глава 1. То, что молчало 4 миллиарда лет

Пояс Койпера не прощает торжественности. За броней «Одиссея-7» нет ни звёздной пыли, ни благоговейной тишины — есть только вакуум, который ощущается как задержка дыхания перед прыжком. Прожекторы дробят тьму на ледяные искры, и капитан Елена Штольц смотрит на радар шестнадцатый час. Там, на пределе разрешения, висит точка. Она не движется. Не падает. Не греет. Она просто заняла место и не уходит.

— Размеры? — голос Елены сел от кофе и бессонницы.

— От шестнадцати до двадцати километров. — Астронавигатор Ким Сук Джин трёт переносицу. — Сигнал возвращается с искажением фаз, как от вращающейся чёрной дыры, но массы нет. И ещё... она не подчиняется гравитации. Мы рассчитали её орбиту — она должна была давно рухнуть на Солнце или улететь в межзвёздную среду. Но она висит. Будто её кто-то держит.

Артефакт. Слово не произносят вслух. Вместо него гово-

рят «объект», «аномалия», «чудо» — последнее шепотом.

Первое чудо случилось с Мирой Дьяченко, инженером. Она мыла руки в санитарном шлюзе, когда заметила, что кожа на левой кисти меняет цвет. Там, где пять лет назад марсианский термоимпульс сплавил дерму в розовую корку, вдруг проступили нормальные, живые клетки. Мира застыла. Она помнила, как врачи на Фобосе говорили: «Третья степень, аутологичная пересадка не приживётся». И вот — никакой пересадки. Просто биология вдруг вспомнила, какой ей быть до ожога.

— Лёша, — позвала она по интеркому. — У меня рука... регенерирует.

Врач Алексей Волков прибежал через три минуты. Он смотрел на её кисть, потом на свою. На правой ладони, под большим пальцем, постепенно исчезал шрам — грубый кривой рубец, который он привёз с Земли, из той драки у бара «Красный дракон». Алексей никогда не рассказывал, как получил его. Но сейчас рубец таял, оставляя гладкую, младенчески розовую кожу.

— Это не медицинский феномен, — сказал он наконец. — У нас нет оборудования для такой регенерации. Это идёт извне.

В ту ночь артритные узлы на пальцах Саманты Чо исчезли, как будто их вытерли влажной тряпкой. У Ким Сук Джина закрылись два старых послеоперационных рубца от аппендицита. У геолога Хорхе Рамиреса рассосалась старческая

кератома на щеке — та, которую он называл «подарком от ультрафиолета Венеры». Единственный, кто не изменился, был отец Томас Меркатор, иезуит. Его лицо, изрытое оспинами, осталось прежним. Он смотрел в зеркало и не ощущал ни капли зависти.

— Господь отметил меня давно, — сказал он Алексею. — Может, это знак, что я не нуждаюсь в лечении. А может — что я уже лежу в другом масштабе.

Земля ответила через шесть дней: создать экспедицию. На борт поднялись все семеро, включая лингвиста Джулиана Айенгара, которого добавили в последний момент, когда спектроанализ показал, что артефакт обменивается сигналами с ДНК экипажа. Джулиан был худ, нервен и пах потом от страха.

— Эта штука не говорит, — объявил он на первом совещании. — Она требует. Язык требований не имеет отрицаний. Вы не можете сказать «нет», только «позже». — Он потряс аптечкой с успокоительным. — И я уже ощущаю: на месте старого перелома, который давно сросся, но ныл к погоде, вдруг возникает странная, почти эстетическая гладкость — будто кость заново выточили. Перелома не должно быть. Но он исчезает. И мне это нравится. Вот что страшно.

На сорок восьмой час решили: входить. Скафандры, протоколы, молитвы — всё смешалось в предстартовой суете. И только когда люк готовился открыться, отец Томас положил руку на плечо Елены.

— Вы знаете, что такое «шехина»?

— Я знаю, что это бейсбольный клуб из Тель-Авива, — буркнула Елена.

— Приближение Бога. В Ветхом Завете, когда ковчег несли, носильщики чувствовали, как их болезни отступают. А потом они падали замертво, если прикасались без позволения. — Он помолчал. — Мы нашли не звездолёт, Елена. Мы нашли чрево. Вопрос не в том, что внутри. Вопрос в том, у кого хватит смелости родиться.

— А если там нечему рождаться?

— Тогда почему мы уже выздоравливаем?

Елена молчала. Её взгляд прилип к точке на радаре. Сфера по-прежнему не двигалась. Но сейчас капитан заметила то, что упустила раньше: пульс у всех семерых, частота сердечных сокращений, синхронизировалась до последнего удара. Семь сердец бились в унисон, как один организм.

Она знала: это чрево дышит их грудью.

Глава 2. Сквозь кожистую тьму

Шлюз «Одиссея-7» разошёлся по швам, которых не было. За ним — не пустота. Поверхность сферы: двадцать километров радиуса идеальной гладкости, без кратеров, без пыли, без льда. Материал — неизвестный, с нулевым альбедо. Чёрный, как дыра в зрении. Елена назвала его «паутинным стеклом» за тактильное сходство с арахноидином, но при сканировании он не давал ни спектра, ни отражения.

— Контакт. — Она ступила первой.

Подошвы коснулись поверхности — и мир сдвинулся. Гравитация не притягивала к центру, а держала перпендикулярно плоскости. Елена стояла на внешней стороне сферы и чувствовала под ногами пол.

— Это невозможно, — сказал Ким.

— Я в курсе.

Вход нашли не за три часа, а через двенадцать минут после того, как отец Томас начал читать «Отче наш» по внутренней связи. Никто не просил его. Просто пульс экипажа синхронизировался до единого удара — 72 в минуту — и Томас почувствовал: надо молиться. В том месте, куда был обращён его взгляд, поверхность дрогнула. Стала текучей, как ртуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.